

JEL classification: B00, B41, B49

УДК 330.8

DOI 10.17150/2308-2488.2023.24(4).573-607

Д.Я. Майдачевский

*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

История экономической мысли в лабиринте историографических подходов

Аннотация. В статье предпринята попытка проследить метаморфозы, которые претерпевала отечественная историография экономической науки от перестройки до наших дней. Взятая перестройщиками на вооружение «парадигма замещения» вместе с «водой» идеологии и презентизма ортодоксального марксизма выплеснула и «ребенка» — методологические установки историзма и эмпиризма, заставив историографию следовать в фарватере подходов западного «мейнстрима». Угодив вместе с последним по ходу движения в ловушку презентизма «истории экономического анализа», пережив «утрату институциональной жизнеспособности», историография (точнее — то, что от нее осталось) в конце пути обрела пристанище в символической реальности «интеллектуальной истории». Правда, ценой утраты уже не только историзма, но и дисциплинарной идентичности (экономической направленности) и научного ее характера. В результате исследования автор приходит к выводу, что возвращению утраченных методологических установок исторического реализма и эмпиризма, интереса к содержанию экономического знания и к его анализу будет способствовать обращение к историко-научному историографическому подходу, не только следующему стандартам профессиональной исторической науки, но и использующему словарь, а также теоретические модели социологии научного знания, задающие концептуальную рамку историко-научных изучений.

Ключевые слова. Историография экономической науки, история экономической мысли, интеллекту-

альная история, история науки, социология научного знания.

Информация о статье. Дата поступления 10 сентября 2023 г.; дата принятия к печати 7 декабря 2023 г.; дата онлайн-размещения 19 декабря 2023 г.

D.Ya. Maidachevsky

*Baikal State University,
Irkutsk, the Russian Federation*

History of Economic Thought in the Labyrinth of Historiographical Approaches

Abstract. The article attempts to trace the metamorphoses that the domestic historiography of economic science has undergone from perestroika to the present day. The “paradigm of replacement” adopted by the supporters of perestroika, together with the “water” of ideology and presentism of orthodox Marxism, also splashed out the “child” — the methodological principles of historicism and empiricism, forcing historiography to follow in the wake of the approaches of the Western “mainstream”. Having fallen, along with the latter, into the trap of presentism of the “history of economic analysis”, having experienced the “loss of institutional viability”, historiography (more precisely, what was left of it) at the end of the road found refuge in the symbolic reality of “intellectual history”. True, at the cost of losing not only historicism, but also disciplinary identity (economic orientation) and its scientific character. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the return of the lost methodological principles of historical realism and empiricism, interest in the content of economic knowledge and its analysis will be facilitated by turning to the historical-scientific historiographic approach, which not only follows the standards of professional historical science, but and using a dictionary, as well as theoretical models of the sociology of scientific knowledge, which set the conceptual framework for historical and scientific studies.

Keywords. Historiography of economics, history of economic thought, intellectual history, history of science, sociology of scientific knowledge.

Article info. Received September 10, 2023; accepted December 7, 2023; available online December 19, 2023.

Наиболее очевидным путем прогресса науки является появление новых *отправных точек* <new departures>, т.е. открытие новых фактов, новых аспектов старых фактов или новых соотношений между фактами.
И.А. Шуметер

Введение: «перестройка»

За точку отсчета обсуждения проблематики данной статьи возьмем 1989 год, давший, в известном смысле, старт «перестройке» историографии отечественной экономической науки, ведающей исследовательскими практиками и объектами изучения в области истории экономической мысли (далее — ИЭМ). Имеются в виду не только выход в свет первого выпуска ежегодника «Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли», который рассматривался его создателями как прообраз первого в стране специализированного историко-экономического журнала, или выпуск тем же издательством «Экономика» сразу же пяти книг в серии «Экономическое наследие», возвращавших в научный оборот имена, работы и идеи исследователей преимущественно 1920-х гг. Речь, в первую очередь, идет об открывающей альманах статье В.А. Жамина и Я.И. Кузьмина «Историко-экономическая наука в СССР: история, современное положение, проблемы перестройки» [1], посвященная выяснению причин интеллектуального кризиса, в состоянии которого на исходе XX столетия оказалась ИЭМ, а также определению путей выхода из него.

Источники кризиса авторы усматривали прежде всего в господстве идеологии, которая навязывала априорные, политические оценки, выступавшие предпосылками исследований в области ИЭМ, программи-

ровавшие их результаты. Вследствие чего сложилась «картина однолинейного, безальтернативного развития экономической мысли, которая не соответствует исторической правде...» [1, с. 17]. Понимая, очевидно, неустранимость действия политико-идеологического фактора как такового, авторы направили острие своей критики против не только «культового подхода» и обезличенности в науке, но и привносимой им в дисциплину апологетики настоящего как лучшего и безальтернативности путей к нему, касающихся уже способов познания прошлого, т.е. ее методологии.

Именно методология ИЭМ, а точнее — ее «пороки», полагались авторами статьи еще одним источником интеллектуального кризиса дисциплины. К числу таких «пороков» ими относился, в первую очередь, «отрыв» ИЭМ от ее эмпирической базы. И дело не только в недоступности опубликованных (частью, к тому же, скрытых в спецхранах по идеологическим причинам) и архивных материалов, но и в нехватке у исследователей знаний, умений и навыков работы с ними. В силу отсутствия в рамках дисциплины даже проблемной области источниковедения экономической науки исследовательские работы создавались, как правило, с привлечением ограниченного круга источников, без серьезной их критики: «любой, попавший в руки исследователей материал, автоматически воспринимается как достаточный» [1, с. 18].

Как результат, исследовательские труды представляли собой в лучшем случае пересказ источников, выполненный, к тому же, преимущественно в жанре критики немарксистских трактовок экономической науки. «Особо притягательной чертой подобного метода исторической критики является, — полагали авторы статьи, — исключительная простота в обращении: вместо того, чтобы исследовать уникальные исторические условия создания того или иного произведения, достаточно “приложить” его к Марксу. Ква-

лификационные требования к специалисту-историку стали ... очень скромными» [1, с. 9–10)]. В терминах сегодняшнего дня можно сказать, что марксистская ИЭМ, сложившаяся в советский период, демонстрирует пример презентистской истории: вся история экономической науки сводится к предыстории марксизма. Причем создаваться такая история могла как с акцентом на внутреннюю историю научных идей, так и путем описания исторических событий в терминах прогрессивного, поступательного развития экономической науки, их оценки с позиций презентистской перспективы «лучшего настоящего».

Подобный методологический подход, будучи законным и порой даже плодотворным, по мнению авторов, должен быть, ограничен трудами экономистов-теоретиков и экономической публицистикой. «Историк-профессионал, в отличие от теоретика (историка-“дилетанта”) — раб своего предмета. Он идет от истории к современности, а не наоборот. Конечно, и историк живет в настоящем и разделяет сегодняшние теории и предубеждения, но его подход к своему предмету — комплексный, он изучает процессы в их исторической конкретности, в неповторимых обстоятельствах их формирования и течения. Наконец, профессиональный историк в идеале вооружен несравненно лучше теоретика, обравившегося к истории, располагает большим массивом фактов, способен критически подходить к источникам и т.д.» [1, с. 19]. Историцистский по своей природе подход, приверженцами которого позиционировали себя авторы статьи, для своей полной реализации в отечественной историко-экономической науке требовал, по их мнению, для обретения умений и навыков источниковедческой эвристики «пойти на выучку» к гражданским историкам, а для пополнения арсенала приемов и методов исследовательской работы и преодоления провинциализма

отечественных дисциплинарных практик — обращения к опыту западной историко-экономической науки [1, с. 18].

«Парадигма замещения»

Для обозначения следующего периода, пришедшего на смену этапу перестройки отечественной историко-экономической науки, используем выражение «парадигма замещения». Выступающее, в известном смысле, калькой с метафоры российского политолога А.Д. Богатурова «парадигма освоения» (призванной образно и лаконично охарактеризовать эпоху по большей части некритического заимствования-освоения западных международно-политических концепций 1990–2000-х гг.), оно вносит в последнее лишь одну, но существенную коррективу. Уточнение это связано с отличиями между областями социально-гуманитарного знания — «новопоселенцем» международными отношениями и «старожилом» — ИЭМ: в последнем случае неизбежна «зачистка» осваиваемой территории. Этому процессу были фактически посвящены статья возглавившего редакционную коллегию ежегодника «Истоки» Я.И. Кузьмина «Возвращение к “Истокам”». О теоретическом запасе сообщества российских экономистов» [2, с. 3–22], открывавшая его третий выпуск, опубликованный лишь в 1998 г.¹, а также размещенные на его страницах материалы круглого стола «Нужно ли оглядываться назад? К осмыслению исторических, институциональных и интеллектуальных предпосылок экономической науки», участие в котором, помимо главного редактора, принимали члены редакционной коллегии издания, видные отечественные историки экономической мысли В.С. Автономов, И.О. Ананьин и Н.А. Макашева [2, с. 466–482].

¹ Второй выпуск ежегодника увидел свет, как и предполагалось, в 1990 г., продолжая логику и установки, озвученные в первом.

Слом марксистской парадигмы отечественной экономической науки в начале 1990-х гг., пускай и существовавшей в советскую эпоху в виде «телеологической, или теологизированной, формы экономического знания — псевдомарксизма» (Я.И. Кузьминов) [2, с. 470], не мог не поколебать и не ослабить позиций историзма / историцизма в ИЭМ: вместе с водой «разрушители» выплеснули и ребенка. Попытки участников дискуссии «переоценить» место и роль историзма в качестве одного из методологических оснований марксистской парадигмы экономической науки («марксизм попытался соединить рационалистическое и историческое начала», «он попытался встроить историю в логистическую концепцию», «это теория вполне статическая, традиционная, равновесная» [2, с. 479]) можно отнести уже на счет другой составляющей «парадигмы замещения» — стремительной экспансии на зачищенные от марксизма территории науки западного неоклассического мейнстрима, через призму которого только и стало уместным рассматривать его альтернативы.

Демонстрируя приверженность новой парадигме, Я.И. Кузьминов в своей статье, с одной стороны, бросает взгляд на «перестроечную» попытку реформирования ИЭМ, а с другой — пытается наметить вектор ее будущего развития. И то, и другое он делает уже с позиций не историзма, а «ретроспективизма», оценивая первую, фактически, как провальную, поскольку ИЭМ, на его взгляд, не удалось «накопить достаточный объем историко-экономического материала, необходимого для “самокритики” марксистской теории» [2, с. 7]. «Самокритики», как она видится автору, разрушительной, затрагивающей методологические предпосылки парадигмы и ее теоретический аппарат, т.е. «жесткое ядро» марксизма (в его терминологии), поскольку идет отнюдь не из недр марксистской парадигмы или близких ей течений мысли, а из «лучшего» неоклассического прошлого и настоящего. «Самокритики» (слово, ко-

торое действительно стоит взять в кавычки), а, точнее, «саморазрушения» марксистской парадигмы, констатирует автор, не получилось. В силу чего, в ход пошла «критика извне», со стороны «единственно научной» неоклассической парадигмы, способной к саморазвитию, правда, преимущественно путем непрекращающейся экспансии, которая, будучи усилена действием политико-идеологического фактора, «привела к массовому отказу от *всего* (курсив Я.И. Кузьмина. — Д.М.) марксистского наследия» [2, с. 7].

Противопоставляя марксистской парадигме, не способной к «самокритике», т.е. саморазвитию, неоклассический мейнстрим экономической науки как формирующий «в потенции широкую базу для внутренней критики и обновления жесткого ядра этой теории» [2, с. 8], статья Я.И. Кузьмина фактически предлагала историко-научному сообществу новое видение дисциплины ИЭМ. Ученый не скрывал, что вследствие «врожденного» антиисторизма мейнстрим науки «значительно обедняет» трактовки процессов исторического развития (будь то самой прошлой экономической реальности или знаний о ней), однако «соблазняет» причастностью к строительству современной теории. Речь идет о том направлении, что получит соответствующее название — истории экономической теории / анализа — в рамках которого история из самостоятельного объекта изучения превратится в инструмент строительства теории. О направлении, подчеркивающим объективное содержание науки и ее внутреннюю, лишенную, по возможности, какой бы то ни было связи с внешними факторами, эволюцию в разные периоды, а также прибегающем — в том числе и для этого — преимущественно к методу ретроспективной интерпретации (т.е. являющемся, по сути, абсолютистским и презентистским).

С историей экономического анализа как историей «развития его предпосылок, инструментов *per se*»

[2, с. 19] автор статьи связывал и дисциплинарное будущее истории экономической мысли. Дисциплинарное пространство последней она должна была делить с социально-культурной историей экономической науки и публикацией классических экономических текстов. При этом, однако, следует особо подчеркнуть тот факт, что предметное поле истории экономического анализа мыслилось им как преимущественно теоретическое, занятое профессиональными экономистами, использующими научный аппарат неоклассики для интерпретации, толкования историко-научных фактов. История экономического анализа в качестве приоритетного историографического направления должна превратиться в неотъемлемую часть экономической теории, за которой будет закреплена презентистская практика обсуждения прошлого экономического знания с позиций современного теоретического дискурса, обеспечивающего современное понимание старых идей и создающего основания для новой теоретической работы, но никак не производства нового собственно историко-экономического знания.

Впрочем, «содержание» историзма должно было быть понижено — путем культурологической «прививки» — даже в привычной для отечественных исследователей социальной ИЭМ. За обвинениями последней в «вульгарном социологизме» скрывалась критика марксистского подхода, рассматривавшего экономические теории прошлого через призму классового и идеологического противостояния и изображавшего историю современной экономической мысли как историю морального оправдания с помощью различных средств капитализма буржуазными мыслителями. От социальной истории идей следовало переместиться к культурной истории идей, которая бы сместила центр внимания исследователей с содержания последних на их «форму», способы передачи

знаний, во многом задававшиеся формальной структурой научного сообщества, со своими культурными ценностями, предрассудками и ожиданиями.

Историография экономической науки

Статьи Я.И. Кузьмина (первая — в соавторстве с В.А. Жаминым) в ежегодниках «Истоки» 1989 и 1998 гг., разбору которых посвящена большая часть предыдущего изложения, интересны не только с точки зрения отражения в них метаморфоз, происходивших с дисциплиной ИЭМ в переломный для отечественной экономической науки период ее развития². Публикации, не преследуя специально такой цели, фактически положили начало формированию проблемной области дисциплины, не имеющей по сей день общепринятого названия, которую мы, вслед за М. Блаугом [4], предпочитаем называть «историографией экономической науки» (Historiography of Economics). Области, связанной с изучением как дисциплинарного прошлого ИЭМ, так и способов ее написания, используемых в прошлом и настоящем историко-научных практик, и шире — размышляющей о ее роли, целях и задачах. Основной результат своих построений работающие на проблемном поле историографии экономической науки исследователи видят в построении классификаций / типологий подходов к изучению ИЭМ, в характеристике философско-методологических оснований последних, их конкуренции на дисциплинарном поле и т.д.

Первым серьезным опытом таких построений стали монографии И.П. Гуровой [5; 6], ее докторская

² Некоторые исследователи определяют перемены, происходившие в конце 1980-х — 1990-х гг. как «научную революцию особого рода, осуществленную в результате политических изменений в стране и приведшую не только к отказу от долгие годы господствовавшего экономического мировоззрения, но и к разрушению всего корпуса экономической науки, включая глубокие изменения в научном сообществе» [3, с. 426].

диссертация на тему «Сравнительный анализ методологии истории экономических учений» [7] и статьи, подготовленные на основе последней [8–10]. Именуя проблемную область своих занятий «историко-методологическим направлением в экономической науке», их автор сконцентрировала внимание на методологическом выборе, доступном современному исследователю истории экономической мысли. Выбор этот, по большому счету, мало чем отличался от предложенного немногим ранее Я.И. Кузьминым. Это все те же, во-первых, история экономической теории / анализа, опирающаяся на «технический» метод, имеющий абсолютистскую методологическую природу и отслеживающий прогресс в аналитическом / теоретическом инструментарии экономиста, и, во-вторых, социально-культурная история экономической науки, с той только разницей, что в одном случае («история профессиональной экономической науки») исторический и социальный контекст, в который помещается исследователем наука, ограничен академическим сообществом экономистов («микро-социологический метод»), а в другом («социальная история экономической науки») — охватывает более широкий круг проблем общества («макро-социологический метод»).

Не претендуя на построение типологии используемых ИЭМ подходов, пишуший эти строки, вслед за современной западной историографией счел необходимым «достроить» уже имеющиеся и отталкивающиеся от философско-методологических оппозиций «абсолютизм / презентизм — релятивизм / историзм» более эмпирическим — историографическим — уровнем, также принимающим форму оппозиции «рациональная реконструкция — историческая реконструкция». Однако, и этот уровень показался недостаточным не столько для того, чтобы вместить в его рамки все многообразие подходов к способу воссоздания прошлого, сколько в силу навя-

зываемых бинарными оппозициями границ между ними исключительно в соответствии с признаками / качествами, лежащими в их основании. Предложенная оппозиция «историко-мыслительного» (History of Economic Thought) и «историко-научного» (History of Economics) историографического подходов не просто делала очередной шаг по пути конкретизации / детализации историографии, но переводила классификацию ее подходов и, соответственно, их анализ, в иную плоскость [11; 12]. В плоскость рассмотрения границы между подходами, пролегающей, среди прочих, и по линии размежевания двух основополагающих форм / способов научно-познавательной деятельности — теоретизма и эмпиризма / фактуализма.

Современное состояние проблемной области историографии экономической науки в отечественной литературе отражают публикации [13–15] и докторская диссертация [16] А.А. Мальцева. Проведя тщательную инвентаризацию выработанных ИЭМ подходов к познанию прошлого и группируя их вокруг двух сложившихся в ней философско-методологических канонов — абсолютизма и релятивизма, исследователь предлагает, если не исчерпывающую, то весьма представительную их типологизацию [15, с. 51–52]. В указанной классификации, с точки зрения предпринятого нами исследования, обращают на себя внимание несколько моментов, примечательных не столько тем, что вызывают наше несогласие (любая типология — всего лишь схема), сколько скрывающимися за ними изменениями в методологическом ландшафте ИЭМ.

В первую очередь, обратим внимание на тот факт, что дисциплинарные подходы в ИЭМ выводятся автором непосредственно из методологических принципов / установок абсолютизма и релятивизма, не будучи включены предварительно в какую бы то ни было историографическую рамку. Как это сделал, например, М. Блауг, использовавший для этой цели

историографическую оппозицию «рациональная реконструкция — историческая реконструкция». И в этом смысле, историческая реконструкция приходит на смену релятивизму еще и в силу существования различных видов последнего, лишь один из которых — исторический релятивизм имеет в виду вторая сторона указанной оппозиции. Как справедливо отмечал Д. Блур, «знание релятивно ко всему, что является его причиной. Релятивности — это причинности. Эти каузальные отношения могут быть установлены только путем эмпирических исследований» [17, с. 27]. В нашем случае — историко-научных. В построениях отечественного историографа, однако, историческая реконструкция из зонтичного понятия, призванного объединить историцистские историографические подходы, превратилась всего лишь в один из них, к тому же задающий крайне узкую познавательную задачу историку мысли, вряд ли соответствующую его названию.

Следующий из упомянутых моментов связан с не столько с выделением среди релятивистских способов рассмотрения ИЭМ конструктивизма, сколько с его узкой и односторонней интерпретацией автором как совокупности концепций, направленных на изучение дискурсов, риторических приемов и метафорического языка экономистов и включением в число его сторонников исследователей, которые вряд ли бы с этим толкованием согласились. Если А. Кламер и Д. Макклоски действительно могут быть отнесены к представителям «риторической экономической науки», то М. Шабас и Э.Р. Вайнтрауб — это скорее приверженцы «социологии научного знания», что не отменяет их «конструктивизма». Вайнтрауб, например, в своем отклике на книгу Я. Голински «Создавая знания о природе: конструктивизм и история науки» (1998) признавал перспективными для «нашей работы как историков экономической науки», предлагаемые

конструктивизмом подходы [18, р. 280]. Ему близко более широкое его видение Я. Голински (по меткому замечанию еще одного участника обсуждения книги последнего — Дж. Биддла, «скорее правдоподобное и интригующее, чем возмутительное, и не угрожающее каким-либо основным ценностям, которых придерживаются историки» [19, р. 253]). Комментируя дискуссию, развернувшуюся вокруг его книги в среде историков экономической мысли, сам Ян Голински отмечал: «Я предполагаю, что существуют различные способы прочтения этой книги как имеющей значение для истории экономической науки. На общем уровне это можно рассматривать как одобрение радикального историзма, который начинается с отказа от “виговских” (Whiggish) подходов и уверенности, что прошлое не следует рассматривать как телеологический процесс, кульминацией которого является настоящее. На столь же общем уровне любой вид конструктивизма, очевидно, направляет внимание историков на контекст, в котором производится знание, на местные ресурсы, которые используются для его создания, и на то, как оно передается с момента его происхождения» [20, р. 283].

Наконец, третий момент связан с выделением и помещением в отдельную категорию «вне канона» историографического подхода, именуемого А.А. Мальцевым «интеллектуальной археологией», куда включены исследования, направленные «на открытие имен забытых или еще неизвестных экономистов прошлого, поиск незнакомых современным специалистам и ранее не опубликованных манускриптов, книг, писем, др.» [15, с. 52], и единственным представителем которого значится Э. Райнерт. Заметим, этим шагом автор невольно (а, может быть, и сознательно) отсылает читателя к статье Ф. Дин в «Путеводителе по современной экономической мысли» (1991) (в русском переводе 2002 г. — «Панорама экономической мысли

конца XX столетия»), в которой британский историк экономической мысли также среди способов изучения истории экономической теории выделяла «археологический», а не исторический, подход, связав его с работами сегодня вполне мейнстримного историка мысли К. Трайба. Примечательно, что основную причину неисторичности построений последнего британский историограф усматривала в их опоре «на свидетельства “экономических архивов”, а не на идеи отдельных экономических классиков и прочих теоретиков» [21, с. 47].

Вот и отечественный историограф полагает, по-видимому, не имеющими отношения к истории «археологические раскопки», проводившиеся Э. Райнертом (вместе с соавторами его работ), правда, уже не столько в архивах, сколько в библиотеках [22–24]. Именно результаты библиотечно-библиографического поиска и подготовка аннотированных (и иллюстрированных) биобиблиографических указателей дали толчок и документальное обоснование его концепции «иного канона» в истории экономической мысли и историографическому подходу, который сам исследователь на сайте фонда «Другой канон» (The Other Canon Foundation) определил как «реконструкцию истории экономической мысли путем возвращения забытых экономических бестселлеров»³. Благодаря этому подходу был получен ряд значимых историко-научных результатов: предположив существование корреляции между влиятельностью текста и количеством опубликованных изданий, реконструированная история публикаций, позволила составить перечень влиятельных экономистов прошлого, существенно отличающийся от предлагаемого современными руководствами по истории экономической мысли; ведущие позиции в перечнях как изданий, так и их авторов англичане и французы (и соответственно англо- и

³ URL: <http://othercanon.org/papers/>.

франкоязычные публикации) уступили итальянской и немецкой экономической науке; появились в перечнях авторов и бестселлеров не только порядком забытые, но и неизвестные историко-экономической науке имена и книги. Э. Райнерт сопроводил перечень «главных находок», как он их определил, сделанных благодаря используемому историографическому подходу, краткой его характеристикой, заслуживающей, с нашей точки зрения, внимания: «...наша история, вероятно, представляет собой версию истории экономической мысли, более близкую к идеалу Леопольда фон Ранке, заключающемуся в выяснении того, *wie es eigentlich gewesen ist*: как это было на самом деле...» [23, p. 7].

Новая нормальность: интеллектуальная история

Наше столь пристальное внимание к историографическим рефлексиям А.А. Мальцева обусловлено тем, что своими работами исследователь фактически дает ответ на вопрос, прозвучавший в западной историографии экономической науки в разгар дискуссии 1990-х — начала 2000-х гг., но крайне актуальный и для отечественных исследователей ИЭМ. Вопрос был сформулирован Дж. Хендерсоном — тогдашним президентом Общества истории экономической науки (HES, History of Economics Society), принявшим участие в обсуждении дисциплинарных перспектив ИЭМ, развернувшемся на «форуме» последнего в Интернете, сообщением: «Либеральная (презентистская) история экономической науки мертва — что теперь?» («Whig History of Economics Dead — Now What?») [25]. Отечественный историограф, справедливо констатируя не «смерть», но «крах монополии» абсолютистской / презентистской методологии в ИЭМ (с помощью упомянутого уже построения типологии и экспертного анализа, к результатам которого мы еще обратимся), изображает картину того, как ландшафт

предметной области последней преобразился за минувшую четверть века.

Характеризуя реконфигурацию предметной области ИЭМ следует, однако, учесть тот факт, что произошла она, как и утрата монополии абсолютистскими / презентистскими историографическими подходами, в результате «войн» в экономической науке, связанных с убеждениями представляющих (в случае отечественной науки и образования — «насаждающих») мейнстрим науки экономистов в том, что ИЭМ, часто интеллектуально связанная с неортодоксальными ее течениями, враждебна последнему, понижает «моральный статус», «эпистемологический авторитет» и, следовательно, легитимность господствующего течения. По мнению Э.Р. Вайнтрауба, «войны» в экономической науке завершились «утратой институциональной жизнеспособности» ИЭМ [26, р. 278–279], т.е. потерей прежде ей отводимого места в экономической науке и образовании (в виде пересмотра планов, сокращения учебных программ, финансирования исследований, пересмотра классификаций или ревизии паспортов научных специальностей и т.д.), и сохранением лишь за приверженцами ортодоксальной экономической теории права обращаться с основанными на абсолютизме / презентизме подходами к прошлому науки (именуя последние «традиционными»).

Так что формирование предметного поля за пределами мейнстрима (теперь охватывавшего и ретроспективно конструируемое прошлое последнего: как справедливо заметил в этой связи Э.Р. Вайнтрауб, «большинство работающих ученых-экономистов в душе являются историками-вигами, которые считают, что лучшие знания и практики дисциплины содержатся в текущих материалах дисциплины» [27, р. 145]) стало уделом тех немногочисленных экономистов, кто сумел сохранить верность прежним научным ин-

тересам, научной специализации, хотя и вынужден был поменять свою институциональную «прописку». Впрочем, «институциональное поражение» и вынужденный отказ от профессиональной идентификации с сообществом экономистов скорее сократили число «игроков» на предметном поле ИЭМ, нежели изменили его. «Заслуга» в деле преобразования ландшафта историографии экономической науки за пределами мейнстрима целиком и полностью принадлежала уже истории, а точнее — господствовавшим в последней исследовательским парадигмам, заведшим ИЭМ в ловушку «философской историографии». Вопреки ожиданиям определенной части историко-экономического сообщества, не разделявшей откровенно неисторической точки зрения «ретроспективизма», историзации их научной области в результате обретения институциональной «прописки» в сообществе историков не произошло.

К этому времени в гуманитарной отрасли знания и истории как его части, свершился антиисторицистский по своей природе постмодернистский герменевтический / интерпретативный методологический поворот (переворот), на словах преследовавший цель переосмысления историзма, а на деле — преодоления и выдворения на обочину науки доминирующих марксистских взглядов на интерпретацию. Можно, поэтому, согласиться с А.А. Мальцевым, определяющим методологическую позицию приверженцев релятивистских подходов к изучению ИЭМ как «интерпретивизм», но следует признать явно недостаточной характеристику последнего как всего лишь избегающего «выделения какого-то одного фактора, воздействующего на развитие теоретических представлений» и стремящегося «восстановить истинный смысл, вкладываемый автором изучаемого произведения в свой текст через реконструкцию контекстов, окружающих анализируемую работу» [15, с. 50]. Ведь не

что иное как антиисторизм интерпретативного «переворота» привел к деонтологизации истории, утрате последней, а вслед за нею и историческими субдисциплинами гуманитарных и социальных наук, своих онтологических оснований, что привело к их уже упомянутым институциональным проблемам. Интерпретивизм принадлежит идеалистической философской традиции, согласно которой социальные явления не существуют независимо от нашей интерпретации. С этих позиций он утверждает, что социальные явления изменяются вместе с нашей интерпретацией, а социальная реальность — это то, что мы под ней понимаем.

Ситуацию ни в малой степени не меняет, а по сути — усугубляет, постановка знака равенства между историзмом и контекстуализмом, который для многих историков экономической мысли стал оправданием присутствия слова «история» в названии их занятий. Если прежде контекстуализировать какую-либо проблему / тему означало задать ей перспективу, через обращение, например, к ее предыстории, а историзировать — погрузить ее в социальную среду (в самом широком смысле этого слова) истории и объяснить, как эта среда могла обусловить (сформировать) ее, то ныне на смену решению и той и другой задачи пришло изучения почти исключительно лингвистического / языкового контекста (авторских идиом, метафор, риторических приемов, словаря, грамматики и т.п.). Более того, как замечает сторонник «филологического подхода» к ИЭМ, имя которого уже упоминалось на страницах статьи — К. Трайб, контекст сам должен быть «построен относительно рассматриваемой проблемы. Редко бывает сразу очевидно, каков релевантный “контекст”, какой аспект ситуации говорящего следует мобилизовать, чтобы помочь объяснить язык, который использует говорящий. Таким образом, мы могли бы сказать, что “кон-

текст” сам по себе является чем-то, что должно быть сконструировано или, по крайней мере, собрано» [28]. Достигается такое весьма избирательное конструирование путем «текстуализации контекста», нивелирующей различия между текстом и контекстом и все дальше уведящей последний от исторической реальности, от материальных отношений, которые его производят и находятся под его влиянием, и погружающей в реальность символическую. И такое конструирование / соби́рание текста-контекста, т.е. поиск материала, способного объяснить язык экономиста прошлого, именуется при этом исследователем «эмпирической историографией».

А.А. Мальцев, ссылаясь на результаты проведенных им анкетных опросов, утверждает, что большая часть предметного поля ИЭМ, расположенная за пределами абсолютистских / презентистских историографических подходов, занята приверженцами «интерпретивизма», или ограниченной замкнутым кругом контекстов «интеллектуальной истории». Без малого 90 % участвовавших в опросе представителей международного сообщества историков экономической мысли выразили свое позитивное отношение к используемым последней методов исследования. Хотя аналогичный показатель у откликнувшихся на анкету российских участников опроса оказался почти вдвое меньше (41,5 %), «интеллектуальная история» все равно не знает себе равных среди их историографических предпочтений. А треть как зарубежных, так и российских респондентов приветствовали «риторический поворот» в ИЭМ в качестве важного достижения в деле ее изучения [29, с. 102, 108]. Хотелось бы вместе с автором разделить оптимизм, выражаемый им по поводу «интерпретивизма» и растущей вместе с ним «методологической полифонии» и «эклектичности» ИЭМ, однако, эти приобретения сопровождаются очевидными утратами историзма, дисциплинарной

идентичности (экономической направленности) и научного ее характера⁴.

Выход из лабиринта: история экономической науки

Путь развития ИЭМ, позволявший избежать указанных потерь, был предложен по ходу уже упомянутой выше дискуссии 1996 г., посвященной ее дисциплинарным перспективам. Исследователям, хранившим верность принципу историзма и не желавшим уходить от экономической направленности своих построений, предлагалось объединиться в рамках субдисциплины, название которой говорило само за себя — «история экономической науки». В своем сообщении, озаглавленном «Что определяет законный вклад в субдисциплину “история экономической науки”?», Э.Р. Вайнтрауб подчеркивал: историк экономической науки, оправдывая присутствие слова «история» в названии своей дисциплины, не должен довольствоваться интерпретацией уже известных текстов, а быть нацелен на архивный поиск, привлечение альтернативных источников историографической информации, демонстрировать своими работами владение исследовательскими навыками и ремеслом историка: умение работать с архивными источниками, «косвенными уликами» и т.д. Будучи же исто-

⁴ Рискнем предположить, что немалую роль в выборе интеллектуальной истории, скорее историко-философского жанра, нежели историографического направления, сыграли отсутствие научной строгости, подменяемой наукообразием философско-методологических рассуждений, господство риторических приемов, возможность строить нарративы в полном отрыве от какой-либо эмпирической (кроме других таких нарративов) базы, избегая столь трудоемкой архивной и / или библиотечно-библиографической работы. Как справедливо заметил в свое время Э.Р. Вайнтрауб, «я лично подозреваю, что историки экономической науки, как правило, не привыкли выполнять такую историческую работу, поэтому сложные, саморефлексивные исследования в лучшем случае трудны, а в худшем — корыстны, поскольку обычно подтверждают позицию, определенную до появления доказательств» [30, p. 3].

риком науки, он не должен рассматривать научные тексты через призму современного знания в поисках у авторов прошлого следов, ведущих к настоящему, его «предвосхищений», переводя их на язык науки наших дней. Тем более, что содержательная сторона зафиксированного в тексте знания сама по себе, без реконструкции и описания, превращающего его в историко-научный факт, не интересует историка. Ученый полагал, что «стандарты, по которым должна быть оценена отдельная работа в области истории экономической науки, совпадают с теми, по которым оцениваются исследования в истории физики или истории молекулярной биологии; определенно, это стандарты, принятые профессиональными историками для оценки исторических работ» [31]⁵.

Безусловно, деятельность по интерпретации трудов и практик экономистов прошлого всегда была неотъемлемой составляющей работ историков экономической мысли: даже критикуемый абсолютистский / презентистский подход не лишен интерпретативных суждений, что отчасти и позволяет относить его ретроспективистские построения к числу исторических. Однако постмодернистский герменевтический подход несет угрозу профессиональной деятельности историка, навязывая смысл текстам / документам, а не ограничиваясь его извлечением из них, и искажая, в конечном итоге, прошлую реальность. При том, что высказываемые суждения, даваемые объяснения или устанавливаемые связи должны быть поддержаны доказательствами, имеющимися в источниках, с которыми работает историк. Изучение

⁵ Вряд ли было простым совпадением появление в это время из-под пера Э.Р. Вайнтрауба (с соавторами) статьи, озаглавленной «Архивирование истории экономической науки» и содержащей «обзор того, где можно найти архивные ресурсы, что они содержат, какова их ценность для исследований и преподавания [истории экономической науки] и как экономисты могут начать думать о сохранении своих профессиональных материалов» [32, p. 1496].

же лингвистических / языковых контекстов не является ни необходимым, ни достаточным в этом отношении приемом изучения ИЭМ, тем более в рамках доминирующих практик интеллектуальной истории превратившимся в замкнутый круг текстов-контекстов и игнорирующим изучение социального и экономического исторического контекста. С полным на то основанием можно говорить о неспособности «интерпретивизма» адекватно историзировать и контекстуализировать прошлое экономической мысли и, как о результате этого, — стремлении ряда историков экономической мысли отвергнуть постмодернистский историзм и контекстуализм с их методологической направленностью.

К числу последних относится и Э.Р. Вайнтрауб, на взгляд которого экономисты составляют самостоятельное интерпретативное сообщество, относительно независимое от других подобных сообществ, и в качестве такового обладающего своими уникальными целями, решаемыми задачами и научными практиками. На экономическую науку, следовательно, не следует смотреть с высот нормативной и прескриптивистской модернистской методологии или постмодернистской анти-методологии (риторики) как возникших и развивавшихся за пределами экономической науки. Методологический дискурс в экономической науке, или интерпретационная деятельность экономистов как членов научного сообщества, направленная на понимание «текстов», должна быть исключительно дескриптивной и иметь своим источником историю науки, именуемую историей экономической мысли / науки. Если подобным образом понимаемая экономическая методология, пишет Э.Р. Вайнтрауб, «не имеет независимого статуса вне самой экономики, то не существует привилегированного судебного контроля со стороны методолога, который приводит к “да или нет” в отношении практики; не существует позиции,

полностью отделенной от экономической теории, которая могла бы дать информацию для рассмотрения экономической деятельности» [33, р. 486].

В своих историографических построениях А.А. Мальцев, сводя в конечном итоге все многообразие релятивистских моделей изучения прошлого ИЭМ к «историко-мыслительному» (с «интеллектуальной историей» в главной роли) и «историко-научному» подходам, односторонне, на наш взгляд, характеризует последний. Исследователь совершенно безосновательно акцентирует внимание почти исключительно на его контекстуализме, возможности «через осмысление интеллектуальной атмосферы и институционального контекста, свойственных той или иной эпохе» вступить в диалог с экономистами прошлого, что, во-первых, скорее роднит, нежели отличает подход от «историко-мыслительного», и, во-вторых, делает его «доступным» для неэкономистов [29, с. 100–101]. Между тем, по словам известного британского интеллектуального историка Дж. Ливси, «интеллектуальная история — это то, чем история науки изо всех сил старается не быть» [34, р. 130], и с этим утверждением трудно не согласиться. И дело отнюдь не в контексте, хотя именно контекстуальный поворот напрямую отразился на методологии интеллектуальной истории, обеспечив ее самоидентичность: различия в подходах носят иной и куда более принципиальный характер.

Постмодернистские установки, оказавшиеся столь привлекательными для интеллектуальной истории / истории идей, будучи противоположны, как уже отмечалось выше, любой последовательной исторической практике, были большей частью проигнорированы историками науки. Более того, сама эта исследовательская область пережила социальный / социологический поворот, перенесший акцент на изучение науки как материальной и практической деятельности и обусловивший эмпиризацию принципов историзма

и контекстуализма. Исследовательские (историографические) установки черпались историей науки не столько из методологии / философии науки, сколько из историографической рефлексии, а также социологии науки (социологии научного знания, SSK), и охарактеризовать их можно как исторический реализм, противопоставив последний лингвистическому интерпретивизму, или «полностью герменевтическим упражнениям» интеллектуальной истории, как верно подметил Дж. Ливси. По словам последнего, «ни одна область науки, какой бы загадочной она ни была, не выходит за рамки компетенции историка науки, который анализирует ее как еще одну социальную практику. Этот социально-реалистический подход к анализу имеет особое значение для таких наук как экономика, которые получают свою автономию по аналогии с естественными науками... Отношение к сообществам ученых как к любой другой ремесленной или торговой группе, с их собственными условиями входа, доминирующим самопониманием, ритуалами, методами работы и политикой, создало мощный набор инструментов для истории науки» [34, р. 133].

Вряд ли можно согласиться также и с утверждением А.А. Мальцева о том, что историографический подход переживает ныне «рост популярности» [29, с. 100], тем более, что и источник, на который ссылается исследователь, говорит всего лишь о «невидимом колледже» сторонников сближения ИЭМ с историей и социологией науки [35, р. 22]. О том же свидетельствует и доклад Э.Р. Вайнтрауба 2020 года, озаглавленный «Научные исследования (Science Studies) и экономическая наука: неформальная история» [36] и реконструирующий (в том числе и на собственном опыте) историю непростых отношений, связывающих упомянутые в названии области знания, и делающий акцент на взаимодействии социологии научного знания и ИЭМ. В нем автор от-

кровенно признается, что невзирая на накопленный историками науки опыт использования словаря и теоретических моделей социологии научного знания, существует совсем немного попыток их применения для написания серьезных историй создания и распространения экономических знаний.

Краткий авторский обзор подобных попыток, реакции на них со стороны научного экономического сообщества, сопровождающийся рефлексией по поводу поиска собственных способов «говорить и писать об истории экономической науки в самом широком смысле, в терминах социологии экономической науки» [36, р. 15], завершает отсылка слушателя / читателя к подготовленной им (совместно с Т. Дюппе) книге «Современная историография экономической науки», которая призвана послужить своеобразным пособием для самообразования историков экономической мысли, остановивших свой выбор на историко-научном историографическом подходе. Во введении к книге Э.Р. Вайнтрауб поставил издание в один ряд с широко известными сборниками статей, составленными ранее М. Блаугом, а также Р. Бэкхаусом и Б. Колдуэллом (из работ А.У. «Боба» Коутса), не просто носящими одинаковое название «Историография экономической науки», но сводящими воедино размышления историков экономической мысли о практике, роли, целях и задачах своей работы. Несмотря на то, что книга преследовала и конкретную цель — демонстрации полезности различных подходов социологии научного знания для изучения прошлого экономической науки, решала она, по словам Э.Р. Вайнтрауба, все ту же задачу формирования «полезного каталога исследовательских и писательских практик, соответствующих их [историков экономической мысли] вкусу и чувствительности. Хотя, конечно, можно было бы предложить какое-то руководство? Однако неужели за пределами дискурса экономистов должна существовать более ин-

формированная и автономная историография? Появление настоящей книги следует рассматривать с этой точки зрения» [37, р. 3].

Своего соредактора в послесловии к книге дополняет Т. Дюппе, полагая ключевым раздел книги, озаглавленный «Материальные истории экономической науки», статьи которого были «особенно вдохновлены работами, основанными на истории науки». Исключительно с целью снизить градус историографического «радикализма» названия, автор поясняет, что выделение «материальной историографии» не следует воспринимать как попытку создания нового канона, пытающегося потеснить «интерпретативные» и «текстуалистские» историографические подходы. «Не ставя под сомнение научную ценность подобных работ, этот сборник эссе тем не менее помогает осознанно выбирать, какие истории мы рассказываем. Хотя душа экономиста наделяет нас — историков экономической науки — пониманием и, если хотите, восхищением экономическими идеями, именно душа историка придает нашим занятиям научный характер» [37, р. 208]. Выделение среди историографических подходов в ИЭМ «материальной историографии», как и озвученное выше историографическое кредо, не оставляют сомнений в приверженности редакторов книги историческому реализму, делающему акцент на создании исторических реконструкций прошлого экономической науки как материальной и практической деятельности на эмпирически наблюдаемом и / или проверяемом документальном материале, а не на историке как создателе нарративов и его повествовании как литературном продукте.

Несмотря на достаточно скромные пока достижения историко-научного историографического подхода и весьма немногочисленные ряды его сторонников в ИЭМ, историографические стандарты последней должны, вне всякого сомнения, отражать связь с исто-

рией науки, а также социологией научного знания. Благодаря следованию им, история экономической мысли получит возможность вновь обратиться к изучению важнейшей составляющей своего предмета — содержанию научного экономического знания. Прибегнув к словарю и моделям социологии научного знания как задающим концептуальную рамку историко-научных построений, ИЭМ обеспечит баланс в анализе когнитивных и социальных процессов, вернет научный характер своим занятиям. Но главное — обеспечит возвращение исторического реализма, исторических практик в истинном значении этого выражения, возможность реконструировать прошлое науки с опорой на эмпирические данные, вместо конструирования идеологически заданных или априорных нарративов.

Список использованной литературы

1. Жамин В.А. Историко-экономическая наука в СССР: история, современное положение, проблемы перестройки / В.А. Жамин, Я.И. Кузьминов // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли / гл. ред. В.А. Жамин. — Москва, 1989. — Вып. 1 — С. 6–23.
2. Истоки / редкол.: Я.И. Кузьминов, В.С. Автономов, О.И. Ананьин [и др.] ; вступ. ст. Я.И. Кузьминова. — Москва : Высшая школа экономики, 1998. — Вып. 3. — 512 с.
3. Макашева Н.А. Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х — начало 1990-х гг.): революция и рост научного знания / Н.А. Макашева // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / ред.: Я.И. Кузьминов, В.С. Автономов, О.И. Ананьин. — 2-е изд. — Москва, 2007. — С. 400–426.
4. Blaug M. On the Historiography of Economics / M. Blaug // Journal of the History of Economic Thought. — 1990. — Vol.12, iss. 1. — P. 27–37.
5. Гурова И.П. Конкурирующие экономические теории / И.П. Гурова. — Ульяновск : Изд-во УлГУ, 1998. — 175 с.
6. Гурова И.П. История метода историко-экономической науки : монография / И.П. Гурова. — Ульяновск : Изд-во УлГУ, 1999. — 95 с. — EDN UZJLRR.

7. Гурова И.П. Сравнительный анализ методологии истории экономических учений : автореф. дис. ... д-ра. экон. наук : 08.00.02 / И.П. Гурова. — Москва, 2000. — 43 с.

8. Гурова И.П. Особенности методологии истории экономических учений / И.П. Гурова // Экономический журнал. — 2001. — № 3. — С. 130-140.

9. Гурова И.П. Методологический поиск в историко-экономической литературе XIX — первой половины XX веков / И.П. Гурова. — EDN VNKXEN // Историко-экономический альманах / сост. Д.Н. Платонов. — Москва, 2004. — Вып. 1. — С. 34-49.

10. Гурова И.П. Методологический выбор в современной историко-экономической науке / И.П. Гурова. — EDN VQPSYF // Историко-экономический альманах / ред.-сост. Д.Н. Платонов. — Москва, 2007. — Вып. 2. — С. 28-51.

11. Майдачевский Д.Я. Историография экономической науки: в поисках не лучшей, но своей доли / Д.Я. Майдачевский. — EDN PATOXN // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2012. — № 4. — С. 28-33.

12. Майдачевский Д.Я. Историография экономической науки: от плюрализма подходов к господству «мейнстрима»? / Д.Я. Майдачевский. — EDN PUVOGN // Terra Economicus. — 2012. — Т. 10, № 2. — С. 66-73.

13. Мальцев А.А. История экономических учений, quo vadis? / А.А. Мальцев. — DOI 10.32609/0042-8736-2015-3-126-150. — EDN TKIMWD // Вопросы экономики. — 2015. — № 3. — С. 126-150.

14. Мальцев А.А. Эволюция методов изучения истории экономической мысли / А.А. Мальцев // Общество и экономика. — 2015. — № 7. — С. 161-183.

15. Мальцев А.А. Методологический ландшафт истории экономических учений: новые историографические альтернативы и возможности / А.А. Мальцев. — EDN VQSZLN // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. — 2016. — № 1. — С. 44-63.

16. Мальцев А.А. История экономических учений в системе экономических наук: современность и перспективы : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / А.А. Мальцев. — Москва, 2017. — 47 с.

17. Блур Д. Определение релятивизма / Д. Блур. — EDN OPDQIN // Эпистемология и философия науки. — 2011. — Т. 30, № 4. — С. 16-31.

18. Weintraub E.R. Making Economic Knowledge: Reflections on Golinski's Constructivist History of Science / E.R. Weintraub // *Journal of the History of Economic Thought*. — 2001. — Vol. 23, no. 2. — P. 277–282.

19. Biddle J. Roundtable on Jan Golinski's Making Natural Knowledge: Constructivism and the History of Science Comments on Jan Golinski's Making Natural Knowledge / J. Biddle // *Journal of the History of Economic Thought*. — 2001. — Vol. 23, no. 2. — P. 253–259.

20. Golinski J. Comment / J. Golinski // *Journal of the History of Economic Thought*. — 2001. — Vol. 23, no. 2. — P. 283–285.

21. Дин Ф. Роль истории экономической мысли / Ф. Дин // *Панорама экономической мысли конца XX столетия : в 2 т. / ред. Д. Гринэуэй*. — Санкт-Петербург, 2002. — Т. 1. — С. 28–58.

22. Reinert E.S. German Language Economic Bestsellers Before 1850, with Two Chapters on a Common Reference Point of Cameralism and Mercantilism / E.S. Reinert, K. Carpenter. — Tallinn : Tallinn University of Technology, 2014. — 61 p.

23. 80 Economic Bestsellers Before 1850: A Fresh Look at the History of Economic Thought / E.S. Reinert, K. Carpenter, F.A. Reinert, S.A. Reinert. — Tallinn : Tallinn University of Technology, 2017. — 105 p.

24. Reinert E.S. 33 Economic Bestsellers Published Before 1750 / E.S. Reinert, F.A. Reinert // *The European Journal of the History of Economic Thought*. — 2018. — Vol. 25, no. 6. — P. 1206–1263.

25. Henderson J.P. Whig History of Economics is Dead — Now What? / J.P. Henderson // *History of Economics Society Mail List*. — 1996. — November. — URL: <http://eh.net/pipermail/hes/1996-November/004822.html>.

26. Weintraub E.R. Economic Science Wars / E.R. Weintraub // *Journal of the History of Economic Thought*. — 2007. — Vol. 29, no. 3. — P. 267–282.

27. Weintraub E.R. How Should We Write the History of Twentieth Century Economics? / E.R. Weintraub // *Oxford Review of Political Economy*. — 1999. — Vol. 15, iss. 4. — P. 139–152.

28. Tribe K. Empirical Historiography / K. Tribe // Keith Tribe. Independent Scholar and Translator : site. — URL: <http://keithtribe.co.uk/empirical-historiography/>.

29. Мальцев А.А. Проблемы и перспективы развития истории экономической мысли: взгляд российских и зарубежных ученых / А.А. Мальцев. — DOI 10.32609/0042-8736-2020-

9-94-119. — EDN RNSFUT // Вопросы экономики. — 2020. — № 9. — С. 94-119.

30. Weintraub E.R. Will Economics Ever have a Past Again? / E.R. Weintraub // The Future of the History of Economics / ed. E.R. Weintraub. — Durham, North Carolina : Duke University Press, 2002. — P. 1-14.

31. Weintraub E.R. What Defines a Legitimate Contribution to the Subdiscipline "History of Economics?" / E.R. Weintraub // History of Economics Society Mail List. — 1996. — September. — URL: <http://eh.net/pipermail/hes/1996-September/005765.html>.

32. Archiving the History of Economics / E.R. Weintraub, St.J. Meardon, T. Gayer, H.S. Banzhaf // Journal of Economic Literature. — 1998. — Vol. 36, no. 3. — P. 1496-1501.

33. Weintraub E.R. Methodology Doesn't Matter, but History of Thought Might / E.R. Weintraub // The Scandinavian Journal of Economics. — 1989. — Vol. 91, no. 2. — P. 477-493.

34. Livesey J. Intellectual History and the History of Science / J. Livesey // Palgrave Advances in Intellectual History / ed. R. Whatmore, B. Young. — New York, 2006. — P. 130-146.

35. Edwards J. Fifty Years of HOPE: Changing Priorities in the Historiography of Economics / J. Edwards // History of Political Economy. — 2020. — Vol. 52, no. 1. — P. 1-46.

36. Weintraub E.R. Science Studies and Economics: An Informal History / E.R. Weintraub // Center for the History of Political Economy at Duke University : working paper. — 2020. — No. 05. — 18 p. — URL: <https://ssrn.com/abstract=3575650>.

37. A Contemporary Historiography of Economics / ed. T. D ppe, E.R. Weintraub. — London : Routledge, 2019. — 218 p.

References

1. Zhamin V.A., Kuzminov Ya.I. Historical and Economic Science in the USSR: History, Current Situation, Problems of Perestroika. In Zhamin V.A. (ed.). *Origins: questions of the history of the national economy and economic thought*. Moscow, 1989. Iss. 1, pp. 6-23. (In Russian).

2. Kuzminov Ya.I., Avtonomov V.S., Ananin O.I. (eds). *Origins*. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 1998. Iss. 3. 512 p.

3. Makasheva N.A. Economic Science in Russia During the Period of Transformation (late 1980s — early 1990s): Revolution and Growth of Scientific Knowledge. In Kuzminov Ya.I., Avtonomov V.S., Ananin O.I. (eds). *Origins: From the Experience of Studying Economics as a Structure and Process*. 2nd ed. Moscow, 2007, pp. 400-426. (In Russian).

4. Blaug M. On the Historiography of Economics. *Journal of the History of Economic Thought*, 1990, vol.12, iss. 1, pp. 27–37.

5. Gurova I.P. *Competing Economic Theories*. Ulyanovsk State University Publ., 1998. 175 p.

6. Gurova I.P. *The History of the Method of History of Economic Thought*. Ulyanovsk State University Publ., 1999. 85 p. EDN: UZJLRR.

7. Gurova I.P. *Comparative Analysis of the Methodology of the History of Economic Doctrines*. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2000. 43 p.

8. Gurova I.P. Features of the Methodology of the History of Economic Doctrines. *Ekonomicheskii zhurnal = Economic Journal*, 2001, no. 3, pp. 130–140. (in Russian).

9. Gurova I.P. Methodological Search in Historical and Economic Literature of the 19th – First Half of the 20th Centuries. In Platonov D.N. (ed.). *Historical and Economic Almanac*. Moscow, 2004. Iss. 1, pp. 34–49. (In Russian). EDN: VNKXEN.

10. Gurova I.P. Methodological Choice in Modern Historical and Economic Science. In Platonov D.N. (ed.). *Historical and Economic Almanac*. Moscow, 2007. Iss. 2, pp. 28–51. (In Russian). EDN: VQPSYF.

11. Maidachevsky D.Ya. Historiography of Economics: In Search of Its Destiny, Even not the Best One. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2012, no. 4, pp. 28–33. (In Russian). EDN: PATOXN.

12. Maidachevsky D.Ya. Historiography of Economic Science: Moving from the Pluralism of Approaches Toward the Dominance of "Mainstream"? *Terra Economicus*, 2012, vol. 10, no. 2, pp. 66–73. (In Russian).

13. Maltsev A. History of Economic Thought, Quo Vadis? *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 2015, no. 3, pp. 126–150. (In Russian). EDN: TKIMWD. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-3-126-150.

14. Maltsev A.A. The Evolution of Methods for Studying the History of Economic Thought. *Obshchestvo i ekonomika = Science and Economy*, 2015, no. 7, pp. 161–183. (In Russian).

15. Maltsev A.A. Methodological Landscape of the History of Economic Thought: New Historiographical Alternatives and Opportunities. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6, Ekonomika = Moscow University Economics Bulletin*, 2016, no. 1, pp. 44–63. (In Russian). EDN: VQSZLN.

16. Maltsev A.A. *History of Economic Doctrines in the System of Economic Sciences: Modernity and Prospects*. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2017. 47 p.

17. Bloor D. The Definition of Relativism. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*, 2011, vol. 30, no. 4, pp. 16–30. (In Russian). EDN: OPDQIN.

18. Weintraub E.R. Making Economic Knowledge: Reflections on Golinski's Constructivist History of Science. *Journal of the History of Economic Thought*, 2001, vol. 23, no. 2, pp. 277–282.

19. Biddle J. Roundtable on Jan Golinski's Making Natural Knowledge: Constructivism and the History of Science Comments on Jan Golinski's Making Natural Knowledge. *Journal of the History of Economic Thought*, 2001, vol. 23, no. 2, pp. 253–259.

20. Golinski J. Comment. *Journal of the History of Economic Thought*, 2001, vol. 23, no. 2, pp. 283–285.

21. Din F. The Role of the History of Economic Thought. In Greenaway D. (ed.). *Companion to Contemporary Economic Thought*. Saint Petersburg, 2002. Vol. 1, pp. 28–58. (In Russian).

22. Reinert E.S., Carpenter K. *German Language Economic Best-sellers Before 1850, with Two Chapters on a Common Reference Point of Cameralism and Mercantilism*. Tallinn University of Technology, 2014. 61 p.

23. Reinert E.S., Carpenter K., Reinert F.A., Reinert S.A. *80 Economic Bestsellers Before 1850: A Fresh Look at the History of Economic Thought*. Tallinn University of Technology, 2017. 105 p.

24. Reinert E.S., Reinert F.A. 33 Economic Bestsellers Published Before 1750. *The European Journal of the History of Economic Thought*, 2018, vol. 25, no. 6, pp. 1206–1263.

25. Henderson J.P. Whig History of Economics is Dead — Now What? *History of Economics Society Mail List*, 1996, November. Available at: <http://eh.net/pipermail/hes/1996-November/004822.html>.

26. Weintraub E.R. Economic Science Wars. *Journal of the History of Economic Thought*, 2007, vol. 29, no. 3, pp. 267–282.

27. Weintraub E.R. How Should We Write the History of Twentieth Century Economics? *Oxford Review of Political Economy*, 1999, vol. 15, iss. 4, pp. 139–152.

28. Tribe K. Empirical Historiography. *Keith Tribe. Independent Scholar and Translator*. Available at: <http://keithtribe.co.uk/empirical-historiography/>

29. Maltsev A.A. Whither History of Economic Thought: A Perspective from Russian and International Scholars. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 2020, no. 9, pp. 94–119. (In Russian). EDN: RNSFUT. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-9-94-119.

30. Weintraub E.R. Will Economics Ever have a Past Again? In Weintraub E.R. (ed.). *The Future of the History of Economics*. Durham, North Carolina, Duke University Press, 2002, pp. 1–14.

31. Weintraub E.R. What Defines a Legitimate Contribution to the Subdiscipline "History of Economics?" *History of Economics Society Mail List*, 1996, September. Available at: <http://eh.net/pipermail/hes/1996-September/005765.html>.

32. Weintraub E.R., Meardon St.J., Gayer T., Banzhaf H.S. Archiving the History of Economics. *Journal of Economic Literature*, 1998, vol. 36, no. 3, pp. 1496–1501.

33. Weintraub E.R. Methodology Doesn't Matter, but History of Thought Might. *The Scandinavian Journal of Economics*, 1989, vol. 91, no. 2, pp. 477–493.

34. Livesey J. Intellectual History and the History of Science. In Whatmore R., Young B. (eds). *Palgrave Advances in Intellectual History*. New York, 2006, pp. 130–146.

35. Edwards J. Fifty Years of HOPE: Changing Priorities in the Historiography of Economics. *History of Political Economy*, 2020, vol. 52, no. 1, pp. 1–46.

36. Weintraub E.R. Science Studies and Economics: An Informal History. *Center for the History of Political Economy at Duke University. Working Paper*, 2020, no. 05. 18 p. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3575650>.

37. Dүppe T., Weintraub E.R. (eds). *A Contemporary Historiography of Economics*. London, Routledge, 2019. 218 p.

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: MaidachevskyDY@bgu.ru. <https://orcid.org/0000-0002-0966-188X>; SPIN-код: 9241-2241; AuthorID РИНЦ: 499735.

Author

Dmitry Ya. Maidachevsky — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of International Relations and Customs Affairs, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: MaidachevskyDY@bgu.ru. <https://orcid.org/0000-0002-0966-188X>; SPIN-Code: 9241-2241; AuthorID RSCI: 499735.

Для цитирования

Майдачевский Д.Я. История экономической мысли в лабиринте историографических подходов / Д.Я. Майдачевский. — DOI 10.17150/2308-2488.2023.24(4).573-607 // Историко-экономические исследования. — 2023. — Т. 24, № 4. — С. 573–607.

For Citation

Maidachevsky D.Ya. History of Economic Thought in the Labyrinth of Historiographical Approaches. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2023, vol. 24, no. 4, pp. 573–607. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-2488.2023.24(4).573-607.